

ВНУТРЕННИЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

А.Ш. Тхостов, Е.И. Рассказова

ИДЕНТИФИКАЦИЯ И СЛИЯНИЕ: ВАРИАНТЫ СООТНОШЕНИЯ «Я» И ГРУППЫ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на примере семьи и страны)

Аннотация. Работа направлена на дифференциацию двух вариантов социальной идентичности – идентификации (в теории самокатегоризации) и слияния идентичности (в теории самоверификации). В соответствии с подходом психологии телесности, они рассматриваются как следствия различных механизмов формирования идентичности, в равной степени дающих человеку переживание самотождественности как основы идентичности с группой в целом. В исследовании идентификации и слияния со страной и семьей на выборках студентов ($n_1=161$) и взрослых ($n_2=123$) подтверждены структурные и частично (только для семьи) функциональные различия между этими конструктами. Как слияние, так и идентификация с группой в равной мере связаны с признаками самотождественности – субъективной близостью группы к «Я» и выраженностью негативных переживаний при изменении идентичности, в том числе, в «лучшую» сторону. Результаты обсуждаются с позиции возможных механизмов, стоящих за двумя разными вариантами формирования идентичности.

Ключевые слова: формирование идентичности, социальная идентификация, слияние идентичности, психология телесности, самотождественность, контролируемость, самокатегоризация, самоверификация, идентификация с семьей, идентификация со страной.

Abstract. The paper is devoted to the differentiation of the two variants of social identity – identification (in self-categorization theory) and identity fusion (in self-verification theory). In accordance with the self-regulation of body processes approach to identity, both variants are consequences of different mechanisms of identity formation, equally providing a person with the experience of self-identity and control as the general basis of the identity. The following hypotheses have been made: 1) Identification and identity fusion are interrelated yet different types of social identity formation both in interpersonal domains (families) and ideological domains (countries). 2) Identity fusion (but not identification) with one's family or country is graphically depicted as the 'overlap' of the family circle or the country circle with the Self circle. 3) Both identity fusion and identification with the group have similar features such as the subjective feeling of belonging to the group (subjective proximity of group to Self) and emotions experienced when identification is changed (changes in the group are experienced as a negative but important event related to changes in the Self). In this study of identification and identity fusion with the country and family on samples of students ($n_1 = 161$) and adults ($n_2 = 123$) the authors have confirmed the structural and partly (for the family only) functional differences between these constructs. Both identity fusion and identification with the group are equally associated with indicators of self-identity – subjective proximity of group to «Self» and severity of negative reaction to the change of social identity, including change for better. The results are discussed from the perspective of the possible mechanisms behind the two different variants of identity formation.

Key words: identification with the family, self-verification, self-categorization, subjective control, self-identity, body processes approach, identity fusion, social identification, identification with the country, identity formation.

Одна из наиболее известных теорий идентичности в социальной психологии – теория самокатегоризации Дж. Тернера, развивает положения теории социальной идентичности А. Тэшфела, согласно которой при-

надлежность той или иной группе способствует определению себя в характеристиках этой группы (самоопределению), которое становится частью самости [1; 11]. Эта теория получила настолько широкое применение, выходящее за пределы соб-

Работа выполнена при поддержке РФНФ, проект № 14-06-00709.

ственно психологии идентичности, что некоторые исследователи предлагают присвоить ей статус общего подхода или даже метатеории социальной идентичности [4], с позиций которой можно рассматривать широкий спектр социальных явлений и процессов, в частности, групповые нормы [9], установки [10], предубеждения [12], когнитивный диссонанс, связанный с принадлежностью группе [14], стереотипы, дискриминацию и т.п.

Критика теории самокатегоризации связана с недостаточностью её положений для объяснения ряда социальных явлений: например, экстраординарных действий во имя группы [19], и социальных движений, не включающих противопоставления другим группам (например, движение за чистоту окружающей среды, в рамках которого другие рассматриваются как незнающие и потенциальные члены группы [20]). Для преодоления этих ограничений выдвигаются предположения, что существуют другие варианты или типы формирования идентичности, не подчиняющиеся закономерностям самокатегоризации. В частности, для объяснения экстраординарных и экстремистских действий ради группы предложен вариант формирования идентичности по типу слияния (identity fusion), когда личная и социальная идентичность не противоречат, а взаимно усиливают друг друга [8; 19].

На основе существующих исследований идентичности было предложено пять механизмов формирования идентичности: (1) по типу эмоционального заражения, (2) по типу идентификации, (3) по типу скрытой (изолированной) идентификации, (4) по типу слияния идентичности, (5) по типу когнитивно-аффективной переработки [2].

Данная работа направлена на исследование идентификации и слияния как различных вариантов формирования социальной идентичности с группой, но в равной степени дающих человеку переживание самоидентичности как основы идентичности в целом.

Процессы формирования идентичности в теории самокатегоризации и теории самоверификации

Социальная идентичность понимается как знание индивида о том, что он принадлежит конкретной социальной группе, при этом принадлежность группе эмоционально и ценностно значима [9] – это определение в целом принято как теорией самокатегоризации, так и теорией самоверификации. (*Вопрос о понимании идентичности в социологии, возрастной психологии и других направлениях*

выходит за рамки данной работы.) С позиций теорий социальной идентичности и самокатегоризации, в формировании социальной идентичности участвуют два когнитивных процесса – процесс категоризации, который усиливает стереотипное восприятие и тем самым границы между группами, и самоулучшения, в рамках которого люди стремятся воспринимать себя в выгодном свете, что может приводить, в частности, к искажению результатов сравнения своей и чужой группы в пользу своей группы. У. Сванн предложил дополнительно выделять процесс самоверификации [19], основанный на стремлении людей к подтверждению своих представлений о себе.

В соответствии с процессами самокатегоризации и самоулучшения, идентификация с группой подразумевает восприятие себя и других в соответствии с неким групповым прототипом, основанном на нормах поведения в группе [11]. В отношении себя это приводит к деперсонализации – утере личностной идентичности в пользу социальной идентичности, когда люди воспринимаются, воспринимают сами себя и действуют как групповой прототип, а не индивидуальность. Прототип представляет собой субъективную репрезентацию определённых атрибутов (представлений, установок, поведения) социальной категории, которые активно создаются на основе социальной информации, доступной в существующей ситуации (контексте).

С позиций теории самоверификации, такая идентификация объясняет следование членами группы прототипу и видение себя в соответствии с этим обобщённым прототипом, тогда как любые уникальные или экстремальные действия ради группы (например, самопожертвование) проявляются именно отличием от группового прототипа – человек делает для группы то, что не каждый член группы мог бы и готов сделать. Для объяснения такого поведения был предложен другой механизм – слияния идентичности [8; 19]. В отличие от идентификации, при слиянии идентичности не происходит деперсонализации; личная и социальная идентичности становятся для человека эквивалентными. Слияние идентичности подразумевает субъективное восприятие отсутствия границ между личностной идентичностью и идентичностями других людей (членов группы). Актуализация как личностной, так и социальной идентичностей, усиливает желание сделать что-либо (в том числе экстремальное) ради группы, например, жертвовать собой.

В серии исследований на модели идентификации со своей страной, использующих рисуночную методику и опросник для выявления слияния

идентичности [8; 19], было показано, что люди со слиянием идентичности со своей страной, выражают большую готовность к экстраординарному поведению во имя группы, по сравнению с теми, у кого такого слияния не наблюдается [17]. При слиянии идентичности люди чаще воспринимают членов группы и как уникальных индивидов, что позволяет им формировать разные личные отношения с каждым из них [18].

Итак, с точки зрения теории самоверификации, слияние и идентификация являются разными вариантами формирования идентичности, имеющими разные последствия (в частности, для группового поведения).

Представления о механизмах формирования идентичности в психологии телесности

Подход психологии телесности к идентичности [2] исходит из более широкого, нежели социальная идентичность, понимания, при котором любой объект может потенциально восприниматься человеком как «Я» («моё») и задавать переживание самотождественности при условии субъективного переживания хотя бы частичной контролируемости этого объекта. Под контролируемостью при этом понимается три варианта переживаний, каждое из которых снижает неопределённость в отношении окружающего мира и себя, и благодаря этому может являться основой самотождественности: управляемость (события начинаются и происходят по воле человека), контролируемость (ход событий зависит от действий человека) и предсказуемость (человек может предсказать дальнейшее развитие событий).

С этой точки зрения, идентификация и слияние идентичности являются следствием разных механизмов формирования идентичности, однако, в равной степени основаны на субъективной контролируемости и являются основой переживания самотождественности.

- При идентификации процесс когнитивной переработки касается только сопоставления себя с прототипом и категоризации и не включает преобразования информации в соответствии с собственными целями и ценностями. В частности, в исследованиях само-стереотипизации было показано [15], что идентификация нередко определяется влиянием близких, которые задают человеку категориальную сеть для понимания и определения себя. Как следствие, субъективное переживание контролируемости и предсказуемости в данном случае

является иллюзорным следствием понятности и предсказуемости прототипа.

- Для слияния идентичности характерно «смешение» личностной и социальной идентичности – процесс, в котором велика роль аффективных компонентов. Особенности когнитивной проработки при слиянии идентичности недостаточно изучены, но сама возможность такого «смешения» свидетельствует в пользу того, что полного соотнесения своих целей и ценностей с целями и ценностями группы не происходит. Переживание контроля трансформируется в иллюзию неуязвимости и, в некотором смысле, всемогущества [19].

В целом, на основе подхода психологии телесности можно выделить два уточнения представленным выше предположениям. Во-первых, в полном соответствии с теорией самоверификации, слияние идентичности и идентификация должны структурно и функционально различаться – поскольку за ними стоят различные психологические механизмы. Основные различия при этом должны касаться особенностей переживания контролируемости и способов её подтверждения человеком. Во-вторых, поскольку контролируемость и самотождественность являются основой любой идентичности, то оба варианта формирования идентичности должны быть в равной мере связаны с субъективной близостью «Я» и группы, а также с негативными переживаниями при изменении группы (даже в лучшую сторону) – которые являются индикатором переживания изменения группы как изменения своего «Я».

Целью данного исследования является дифференциация идентификации и слияния как разных типов формирования социальной идентичности (на примере семьи и страны). Поскольку сформированность идентичности может различаться в зависимости от сфер, в которых она исследуется [16] и рекомендуется их сопоставление, включающее группы разного размера, мы выбрали две эмпирические модели формирования идентичности – идентичности с семьёй и страной. Этот выбор согласуется и с представлениями о слиянии идентичности, в поздних версиях которых разводятся локальное, в небольшой группе с личными отношениями, и расширенное, в больших социальных группах, где личных отношений может не быть, слияние идентичности [18]. Выдвигались следующие **гипотезы**:

1. Идентификация и слияние идентичности представляют связанные, но разные типы формирования социальной идентичности как

в межличностных доменах (семья), так и в идеологических (страна).

2. Слияние идентичности с семьей и страной, но не идентификация, проявляется в специфическом феномене «перекрывания» круга семьи или страны с кругом «Я» в графической методике.
3. Как слияние, так и идентификация с группой обладают общими для формирования идентичности признаками, проявляющимися в субъективной близости группы и «Я» и переживаниях при изменении идентификации (изменение группы переживается как значимое негативное событие, сопряжённое с изменением «Я»).

Следует отметить, что первые две гипотезы направлены на воспроизведение и уточнение полученных У. Сванном и соавторами данных [8; 19] на двух объектах (в отношении не только страны, но и семьи) в двух разных выборках (студенты и взрослые респонденты). Третья гипотеза сформулирована исключительно на основе подхода психологии телесности к идентичности и частично противоречит предположениям У. Сванна: в частности, мы предполагаем, что субъективная близость «Я» и группы является не специфическим признаком слияния идентичности, а общим признаком сформированной идентичности.

Материал и методы

В исследовании участвовали две выборки. В первую выборку (далее – «студенты») вошли 161 студент психологического факультета в возрасте от 16 до 21 года (39 мужчин, 119 женщин, 3 не указали пол; средний возраст $18,62 \pm 1,14$ лет), отвечавшие на вопросы методики в рамках знакомства с диагностическими инструментами. Абсолютное большинство респондентов этой группы были неженаты (94,4%) и не имели детей (99,4%).

Вторая выборка (далее – «взрослые») включала 123 взрослых респондентов в возрасте от 20 до 86 лет (62 мужчины, 60 женщин, 1 не указал пол; средний возраст $37,35 \pm 14,09$ лет), согласившихся принять участие в исследовании идентичности. У большинства было высшее образование (98 человек, 79,7%), у 15 (12,2%) – неоконченное высшее, у 10 (8,2%) – среднее или среднее специальное. 56 человек (46,7%) состояли в браке, 39 (32,5%) были холосты, 12 (10,0%) указали, что состоят в гражданском браке, 13 (10,8%) – в разводе, трое (2,4%) не указали своего семейного положения. У 64 (52,9%) респондентов этой группы были дети.

Поскольку идентичность неотделима от той сферы [16] или социальной группы [9], в которой она формируется, все используемые в исследова-

нии методики адресовались двум объектам: в качестве модели межличностных отношений был выбран объект «семья», в качестве модели социальной сферы – объект «страна». Выбор объекта «страна» диктовался также и тем, что эмпирические исследования слияния идентичности проводились в отношении именно этого объекта [8; 19]. Формулировки всех пунктов при этом несколько менялись, чтобы соответствовать по содержанию идентичности в отношении семьи и страны.

Данные собирались в 2012 – начале 2013 гг., поэтому полученные в отношении объекта «страна» результаты не могут объясняться изменениями в политическом настрое россиян последних лет.

В исследовании применялись следующие **методики**:

1. Графическая методика субъективной близости объектов к «Я». Рисуночная техника оценки близости «Я» и различных объектов широко используется в исследованиях самоидентичности (например, [5; 8]), а перекрытие круга «Я» и круга социальной группы интерпретируется как проявление слияния идентичности [19]. Респонденту предъявляется лист с изображением круга диаметром 4 см в центре с надписью «Я» и его просят нарисовать или расположить на рисунке круги для социальных групп. Оценивались как абсолютные размеры кругов «семья» и «страна» и их расстояние до «Я», так и относительные размеры, с учётом средних размеров и расстояний до «Я» других кругов.
2. Шкала слияния идентичности с группой (Verbal Fusion Scale, [8]) разработана для диагностики слияния идентичности как специфического типа формирования идентичности, при котором не происходит деперсонализации и идентификации с прототипом, а личностная идентичность и социальная как бы совмещаются. Состоит из 7 пунктов, оцениваемых по шкале Лайкерта от 1 до 7 (например, «Я един со своей страной/семьей»).
3. Шкала идентификации с группой (Identification Scale, [13]) предложена для диагностики идентификации и состоит из 6 пунктов, оцениваемых по шкале Лайкерта от 1 до 7 (например, «Когда кто-либо критикует мою семью/страну, я воспринимаю это как личное оскорбление»).
4. Воображаемая ситуация изменения идентичности была предложена нами как техника диагностики на основе представлений философии и биоэтики [6; 7] об идентичности как самотождественности, при которой изменения объекта означают изменение определяющего в человеке, того, что делает его собой.

Надёжность-согласованность методик оценки социальной идентичности в выборках студентов и взрослых

Шкалы	Альфа Кронбаха для объекта «Семья»		Альфа Кронбаха для объекта «Страна»	
	Студенты	Взрослые	Студенты	Взрослые
Шкала слияния идентичности	0,84	0,84	0,88	0,92
Шкала идентификации	0,77	0,82	0,81	0,88
Графическая методика – сырые показатели	0,40	0,67	0,65	0,69
Графическая методика – с учётом средних показателей респондентов	0,47	0,54	0,65	0,58
Негативная реакция на изменение	0,57	0,66	0,70	0,80

Респондент оценивал по шкале Лайкерта от 0 до 10, насколько ему было тяжело и насколько бы он сам изменился, если бы изменились его семья и страна.

Поскольку все эти методики были разработаны или переведены на русский язык в данном исследовании, на предварительном этапе обработки данных оценивалась их надёжность-согласованность, а факторная валидность опросниковых методик.

Обработка данных проводилась в программе SPSS Statistics 22.0.

Результаты

Надёжность методик оценки социальной идентичности

Как шкала слияния идентичности, так и шкала идентификации обладают высокой надёжностью-согласованностью в отношении обоих объектов (табл. 1).

Графическая методика позволяет оценить два показателя как для семьи, так и для страны – расстояние круга до «Я» и его диаметр. Помимо сырых, рассчитывались относительные показатели расстояний и диаметров – для этого из сырых показателей вычиталось среднее для данного респондента значение. Это позволяло учесть устойчивые особенности рисования респондентов, т.е. то, насколько большие круги и насколько далеко от круга «Я» они рисуют в среднем. Во всех случаях расстояние и диаметр соответствующих кругов были отрицательно связаны ($r = -0,25$ - $-0,52$, $p < 0,01$), однако, надёжность-согласованность этих двух пунктов варьировала от низкой до приемлемой (табл. 1), не позволяя объединять их в шкалу. В исследовательских целях мы использовали сырые и учитывающие средние оценки показатели расстояния и диаметра, а также рассчитывали на основе сырых показателей склонность к слиянию идентичности.

Надёжность-согласованность двух пунктов негативной реакции на изменение страны доста-

точно, на изменение семьи – приемлема в выборке взрослых и низка в выборке студентов. В целом, данная шкала может быть использована в исследовательских целях.

Дифференциация идентификации и слияния с семьёй и страной: результаты факторного анализа

В соответствии с существующими данными [8], нашей следующей задачей было эмпирическое подтверждение того, что идентификация и слияния идентичности представляют разные варианты социальной идентичности. Для доказательства структурных различий между ними были факторизованы (метод главных компонент, вращение Варимакс (применение косоугольного вращение Облимин не приводит к принципиальному изменению результатов)) 7 пунктов шкалы слияния идентичности и 6 пунктов шкалы идентификации. В целом по выборке предпочтительным было двухфакторное решение, объясняющее 53,7%-61,2% дисперсии данных в зависимости от объекта и подтверждающее структурные различия между вариантами идентичности с группой, измеряемыми шкалами слияния и идентификации (факторные нагрузки пунктов на «свои» шкалы 0,41-0,88). Единственное исключение составляют три пункта шкалы идентификации, имеющие относительно высокие «перекрестные» факторные нагрузки на шкалу слияния идентичности, – что объясняется содержательной близостью именно этих пунктов конструкту слияния («Когда кто-то критикует мою страну, я воспринимаю это как личное оскорбление», «Когда я говорю о своей стране, я обычно говорю “мы”, а не “они”», «Успехи моей страны – мои успехи»).

Следует отметить, что показатели по этим двум шкалам (как с семьёй, так и со страной) высоко положительно коррелируют между собой и в выборке студентов, и в выборке взрослых ($r = 0,56$ - $0,72$, $p < 0,01$), что согласуется с существующими данными (например, по [19], $r = 0,56$).

Связь слияния и идентификации с группой с критерием «перекрытия» её круга с кругом «Я» в графической методике

Доказательство критериальной валидности шкалы слияния идентичности, а также функциональная дифференциация слияния и идентификации с группой основана на сравнении этих с критерием перекрытия круга «Я» и круга социальной группы по данным графической методики [8].

Если использовать этот графический критерий, в нашем исследовании слияние идентичности с семьёй отмечалось у 68 (42,8%) студентов и 45 (37,5%) взрослых; слияние идентичности со страной – у 41 (25,8%) студентов и 20 (16,3%) взрослых.

В полном соответствии с этими результатами, те, у кого было выявлено слияние с семьёй, характеризовались более высокими показателями по шкале слияния идентичности ($t=-2,08$, $df=155$, $p<0,05$ у студентов и $t=-2,64$, $df=116$, $p<0,01$ у взрослых), но не шкале идентификации. Сравнение по всем остальным шкалам идентификации с семьёй показало, что другой, хотя и менее устойчивый признак слияния идентичности с семьёй – негативная реакция на изменение (принятого уровня значимости различия достигают только у студентов: $t=-2,28$, $df=156$, $p<0,05$ у студентов и $t=-1,55$, $df=115$, $p<0,13$ у взрослых). Кроме того, для студентов при слиянии с семьёй было характерно представление о том, что они долго не смогут привыкнуть, если их семья изменится ($t=-2,28$, $df=156$, $p<0,05$). Эти специфические для выборок признаки, по всей видимости, отражают особенности семейного опыта и возрастные особенности респондентов.

Однако эти паттерны не подтверждаются при слиянии идентичности со страной: в выборке студентов при слиянии отмечаются значимо более высокие показатели по шкале идентификации, тогда как различия по шкале слияния идентичности со страной достигают лишь уровня тенденции ($t=-2,49$, $df=155$, $p<0,05$ и $t=-1,85$, $df=155$, $p<0,07$ соответственно). Кроме того, студенты со слиянием со страной считают, что более тяжело будут переживать переезд из страны и на уровне тенденции меньше думают об изменении страны ($t=-2,15$, $df=154$, $p<0,05$ и $t=1,95$, $df=155$, $p<0,06$ соответственно). В выборке взрослых слияние со страной не только является редким феноменом, но и не связано ни с одним из показателей идентификации, которые мы измеряли.

Иными словами, получены частичные доказательства в пользу функциональных различий между идентичностью по типу слияния и по типу идентификации – в отношении семьи, но не стра-

ны. Одно из возможных объяснений, не согласованных для разных объектов результатов – чрезмерная «грубость» критерия перекрытия кругов (допускающего лишь бинарную оценку наличия или отсутствия слияния и подверженного действию ряда случайных факторов). Кроме того, как отмечалось выше, с нашей точки зрения, графическая методика оценивает скорее восприятие объекта (социальной группы) как близкого «Я», что является признаком любой идентичности, независимо от её типа. В связи с этим, ниже предложен альтернативный способ использования этой методики, подразумевающий количественную оценку субъективной близости «Я» и группы.

Оценка соотношения «Я» и группы при формировании социальной идентичности по типу слияния и идентификации

Дальнейший анализ результатов отвечал двум задачам. Во-первых, нас интересовало, может ли перекрытие кругов рассматриваться как специфический качественный феномен (слияние идентичности) или оно является одним из вариантов субъективной близости «Я» и группы. Во-вторых, в соответствии с подходом психологии телесности к идентичности, мы предполагали, что оба типа социальной идентичности, хотя и являются качественно разными вариантами (за которыми стоят разные психологические механизмы), в их основе, как и в основе любого формирования идентичности является переживание самотождественности, проявляющееся в том, что объект (социальная группа), по крайней мере частично, переживается как «Я». При анализе графической методики проверялась первая часть этого предположения – о том, что как идентификация, так и слияние с семьёй и страной будут связаны с субъективной близостью «Я» и группы.

Для решения этих двух задач рассчитывался количественный показатель субъективной близости страны и семьи к «Я», учитывающий и диаметр кругов, и их дистанцию от «Я» по формуле:

$$\text{Субъективная близость «Я» и группы} = (2 + \text{Радиус круга}) - (\text{Расстояние от центра круга до центра круга «Я»})$$

Положительный показатель по этой шкале эквивалентен «перекрытию» между кругами. Как показывают результаты корреляционного анализа (табл. 2), в обеих выборках субъективная близость страны и семьи к «Я» теснее связана со шкалой слияния идентичности, нежели со шкалой идентификации, однако все эти корреляции небольшие

Таблица 2

Связи шкал слияния идентичности и идентификации с семьёй с показателями графической методики и субъективной реакцией на изменение семьи в выборках студентов и взрослых

		Расстояние круга от "Я" – сырой балл	Размер круга – сырой балл	Расстояние круга от "Я" – с учетом среднего расстояния	Размер круга – с учетом среднего размера	Субъективная близость объекта к «Я»	Негативная реакция на изменение
Студенты	Шкала слияния идентичности – семья	-0,25**	0,13	-0,22*	0,05	0,22**	0,32**
	Шкала идентификации – семья	-0,16	0,02	-0,14	-0,04	0,17*	0,27**
Взрослые	Шкала слияния идентичности – семья	-0,21**	0,12	-0,12	0,09	0,24**	0,29**
	Шкала идентификации – семья	-0,15	0,12	-0,11	0,11	0,13	0,39**
Студенты	Шкала слияния идентичности – страна	-0,28**	0,19*	-0,23**	0,17*	0,27**	0,39**
	Шкала идентификации – страна	-0,21**	0,26**	-0,19*	0,25**	0,27**	0,40**
Взрослые	Шкала слияния идентичности – страна	-0,34**	0,06	-0,41**	0,06	0,26**	0,29**
	Шкала идентификации – страна	-0,25**	0,06	-0,27**	0,06	0,19*	0,11

Примечание. * – $p < 0,05$, ** – $p < 0,01$.

(не превышают 0,30 по модулю) и различия между ними минимальны.

Связь близости семьи и страны к «Я» со шкалами идентификации и слияния идентичности определяется в большей мере расстоянием кругов до «Я», нежели их размером (исключение составляет слияние со страной у студентов, где как размер, так и расстояние связаны с обеими шкалами) – при этом общие паттерны корреляций в целом сохраняются после учёта среднего расстояния и размера круга, который используют респонденты на рисунке.

Гипотетическая реакция на изменение семьи и страны при идентификации и слиянии

В соответствии с гипотезой о том, что формирование идентичности по каждому из типов подразумевает не только субъективную близость объекта и «Я», но и негативные переживания в случае возможных изменений объекта, во всех случаях, кроме идентификации со страной у взрослых, как слияние, так и идентификация с семьёй и страной в средней степени связаны с негативными переживаниями при их изменении (воображаемая ситуация), причём размеры корреляций практически одинаковы для обеих шкал (табл. 2).

Обсуждение результатов

Как идентификация в теории самокатегоризации, так и слияние идентичности рассматриваются в

двух смыслах: как варианты идентичности (т.е. актуального состояния), в том числе, приводящие к определённым последствиям и процессам (например, прогрупповому поведению в условиях актуализации личной идентичности) и как специфические процессы (механизмы), приводящие к этому состоянию. В центре внимания подхода психологии телесности к идентичности также находятся специфические механизмы формирования идентичности. Данное исследование выполнено в рамках корреляционного дизайна, поэтому оно позволяет лишь предполагать некоторые процессы и механизмы, исходя из полученных данных об общих и различных проявлениях социальной идентичности в отношении семьи и группы.

Воспроизведение и уточнение существующих данных о структурных и функциональных различиях между идентификацией и слиянием с группой. Полученные данные подтверждают как надёжность-согласованность, так и факторную структуру шкал идентификации и слияния – как в выборке взрослых, так и в выборке студентов, и этот результат воспроизводится в отношении страны и семьи. Результаты факторного анализа свидетельствуют о структурных различиях между этими двумя конструктами. Тем не менее, здесь важно отметить два момента.

Идентификация и слияние тесно связаны между собой (важно отметить, что шкала идентификации и отбиралась по критерию максимальной связи со слиянием идентичности). С нашей точки

зрения, этот результат закономерен, поскольку сформированная по разному типу идентичность должна обладать рядом общих особенностей: например, респонденты со слиянием идентичности в некоторой сфере склонны соглашаться и с пунктами шкалы идентификации. Более чёткое разведение механизмов, стоящих за этими двумя вариантами идентичности, требует исследований динамики формирования идентичности.

Несколько пунктов шкалы идентификации характеризуются «перекрестными» нагрузками на фактор слияния идентичности, чего не было в предыдущих исследованиях [8]. Содержательный анализ этих пунктов показывает, что они действительно тесно связаны со смещением «Я» и группы (например, «Успехи моей страны/семьи – мои успехи»), а потому закономерны.

Для установления функциональных различий между идентификацией и слиянием с группой мы использовали предложенный в тех же исследованиях критерий пересечения кругов «Я» и группы в графической методике. Гипотеза о функциональных различиях между идентичностью по типу слияния и по типу идентификации подтвердилась в отношении семьи (как в выборке студентов, так и взрослых пересечение кругов «Я» и семьи сопряжено со значимо более высоким уровнем слияния с семьёй, но не идентификацией), но не страны. Одно из возможных объяснений этого – неточность (ненадёжность) графического критерия. Опора при выводе на единственный признак (симптом) чревата ошибками и может быть уязвима к влиянию различных ситуативных факторов. Альтернативное объяснение основано на уже упоминавшихся положениях подхода психологии телесности к идентичности: с нашей точки зрения, графическая методика отражает не специфический механизм или вариант идентичности, а общее для любой идентичности переживание субъективной близости «Я» и объекта (в данном случае группы), в числе, с включением его в структуру «Я» и/или размытием границ между ними.

Выявление общих для идентичности проявлений самоидентичности. В данном исследовании не измерялись особенности переживания контролируемости в отношении группы и реалистичность/иллюзорность этого переживания. Хотя данные о том, что корреляции близости группы к «Я» со шкалой слияния несколько выше, чем со шкалой идентификации в обеих группах в отношении обоих объектов, согласуются с исследованиями, в которых слияние идентичности измерялось при помощи графической методики [8], относительная слабость этих корреляций и их близкие

значения ($r < 0,30$) не позволяют говорить, что графическая методика измеряет тот же конструкт слияния идентичности, что и шкала слияния идентичности. Напротив, результаты свидетельствуют в пользу нашего предположения о том, что субъективная близость социальной группы и «Я» является общим для двух типов формирования идентичности проявлением.

Воображаемая ситуация изменения семьи и страны (согласно инструкции, – в лучшую сторону) использовалось как альтернативный признак переживания самоидентичности: как и ожидалось, формирование идентичности в отношении как семьи, так и страны связано с более негативной субъективной реакцией на возможные её изменения (в том числе, с переживанием «Это уже не я»).

Отдельный интерес представляют данные о связи идентификации и слияния идентичности со страной и с семьёй, полученные как в выборке взрослых, так и в выборке студентов для обеих шкал и показателя графической методики. С одной стороны, эти данные позволяют предполагать наличие общих для личности механизмов как идентификации, так и слияния идентичности, благодаря которым идентификация с разными объектами (как в межличностных, так и идеологических сферах) приобретает сходные черты. С другой стороны, нельзя исключить, что эта связь определяется конкретным выбором объектов в данном исследовании – так, отношение в семье могут сказываться именно на формировании отношения к стране. Следует также отметить, что в отношении слияния идентичности было показано, что слияние идентичности с одной группой не означает слияния в других сферах – иными словами, это не личностная черта [19]. Поэтому проверка этого предположения требует использования в дальнейших исследованиях и других объектов.

Выводы

1. Идентификация и слияние идентичности в отношении семьи и страны являются связанными, но структурно различными вариантами идентичности. Получено частичное подтверждение гипотезы о функциональных различиях – только в отношении семьи, но не страны. В отличие от ранних исследований У.Сванна и его коллег, полученные результаты воспроизводятся в двух разных выборках и в отношении двух разных объектов (социальных групп). В соответствии с теорией самоверификации и подходом психологии телесности

к идентичности, это позволяет предполагать, что за ними стоят различные процессы и механизмы формирования идентичности – что делает актуальной задачу исследования динамики идентичности.

- Интерпретировать пересечение кругов «Я» и социальной группы в графической методике следует с осторожностью ввиду недостаточной надёжности использования единственного признака для диагностики. С теоретической точки зрения, субъективная близость кругов социальных групп к «Я» представляет более широкие возможности для интерпретации (как признак самоидентичности, независимо от варианта идентичности), нежели использование критерия пересечения кругов.

- Как слияние, так и идентификация с группой в равной мере связаны с признаками самоидентичности – субъективной близостью группы и «Я» и выраженностью негативных переживаний при изменении социальной идентичности, в том числе, в «лучшую» сторону. Эти данные косвенно свидетельствуют в пользу предположения подхода психологии телесности о переживании объекта как части «Я» и самоидентичности как общей основы формирования идентичности. Тем не менее, прямая проверка этого предположения подразумевает диагностику переживания самоидентичности и разных форм контролируемости группы, что является задачей дальнейших исследований.

Список литературы:

- Андреева Г.М. К вопросу о кризисе идентичности в условиях социальных трансформаций // Психологические исследования. 2011. Т. 6. № 20. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580-andreeva20.html> (дата обращения: 21.12.2015).
- Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Идентичность как психологический конструкт: возможности и ограничения междисциплинарного подхода // Психологические исследования. 2012. Т. 5. № 26. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/771-rasskazova26.html> (дата обращения: 21.12.2015).
- Тхостов А.Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 287 с.
- Abrams D., Hogg M.A. Meta-theory: lessons from social identity research // Personality and Social Psychology Review. 2004. Vol. 8. No. 2. P. 98-106.
- Carter T.J., Gilovich T. I am what I do, not what I have: the differential centrality of experiential and material purchases to the self // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 102. No. 6. P. 1304-1317.
- DeGrazia D. Enhancement technologies and human identity // Journal of Medicine and Philosophy. 2005. Vol. 30. P. 261-283.
- Elliott C. Enhancement technologies and the modern self // Journal of Medicine and Philosophy. 2011. Vol. 36. P. 364-374.
- Gomez A., Brooks M.L., Buhrmester M.D., Vazquez A., Jetten J., Swann W.B. On the nature of identity fusion: insights into the construct and a new measure // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 100. No. 5. P. 918-933.
- Hogg M.A., Reid S.A. Social identity, self-categorization and the communication of group norms // Communication Theory. 2006. Vol. 16. P. 7-30.
- Hogg M.A., Smith J.R. Attitudes in social context: a social identity perspective // European Review of Social Psychology. 2007. Vol. 18. P. 89-131.
- Hogg M.A., Terry D.J., White K.M. A tale of two theories: a critical comparison of identity theory with social identity theory // Social Psychology Quarterly. 1995. Vol. 58. No. 4. P. 255-269.
- Kaiser C.R., Wilkins C.L. Group identification and prejudice: theoretical and empirical advances and implications // Journal of Social Issues. 2010. Vol. 66. No. 1. P. 461-476.
- Mael F.A., Ashforth B.E. Alumni and their alma mater: A partial test of the reformulated model of organizational identification // Journal of Organizational Behavior. 1992. Vol. 13. P. 103-123. doi:10.1002/job.4030130202.
- McKimmie B.M., Terry D.J., Hogg M.A. Dissonance reduction in the context of group membership: the role of meta-consistency // Group Dynamics: Theory, Research and Practice. 2009. Vol. 13. No. 2. P. 103-119.
- Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V.L. (Eds.) Handbook of Identity Theory and Research. New York: Springer. 2011.
- Sinclair S., Hardin C.D., Lowery B.S. Self-stereotyping in the context of multiple social identities // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 90. No. 4. P. 529-542.
- Swann W.B., Gomez A., Gomez A., Jetten J. What makes a group worth dying for? Identity fusion fosters perception of familial ties, promoting self-sacrifice // Journal of Personality and Social Psychology. 2014. Vol. 106. No. 6. P. 912-925.
- Swann W.B., Gomez A., Jetten J., Whitehouse H., Bastien B. When group membership gets personal: a theory of identity fusion // Psychological Reviews. 2012. Vol. 119. No. 3. P. 441-456.
- Swann W.B., Gomez A., Seyle D.C., Morales J.F., Huici C. Identity fusion: the interplay of personal and social identities in extreme group behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. № 96(5). P. 995-1011.
- Wright S.C. The next generation of collective action research // Journal of Social Issues. 2009. Vol. 65. No. 4. P. 859-879.

References (transliterated):

- Andreeva G.M. K voprosu o krizise identichnosti v usloviyakh sotsial'nykh transformatsii // Psikhologicheskie issledovaniya. 2011. T. 6. № 20. S. 54. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n6-20/580-andreeva20.html> (data obrashcheniya: 21.12.2015).

2. Rasskazova E.I., Tkhostov A.Sh. Identichnost' kak psikhologicheskii konstrukt: vozmozhnosti i ogranicheniya mezhdistsiplinarnogo podkhoda // Psikhologicheskie issledovaniya. 2012. T. 5. № 26. S. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/771-rasskazova26.html> (data obrashcheniya: 21.12.2015).
3. Tkhostov A.Sh. Psikhologiya telesnosti. M.: Smysl, 2002. 287 s.
4. Abrams D., Hogg M.A. Meta-theory: lessons from social identity research // Personality and Social Psychology Review. 2004. Vol. 8. No. 2. P. 98-106.
5. Carter T.J., Gilovich T. I am what I do, not what I have: the differential centrality of experiential and material purchases to the self // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 102. No. 6. P. 1304-1317.
6. DeGrazia D. Enhancement technologies and human identity // Journal of Medicine and Philosophy. 2005. Vol. 30. P. 261-283.
7. Elliott C. Enhancement technologies and the modern self // Journal of Medicine and Philosophy. 2011. Vol. 36. P. 364-374.
8. Gomez A., Brooks M.L., Buhrmester M.D., Vazquez A., Jetten J., Swann W.B. On the nature of identity fusion: insights into the construct and a new measure // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 100. No. 5. P. 918-933.
9. Hogg M.A., Reid S.A. Social identity, self-categorization and the communication of group norms // Communication Theory. 2006. Vol. 16. P. 7-30.
10. Hogg M.A., Smith J.R. Attitudes in social context: a social identity perspective // European Review of Social Psychology. 2007. Vol. 18. P. 89-131.
11. Hogg M.A., Terry D.J., White K.M. A tale of two theories: a critical comparison of identity theory with social identity theory // Social Psychology Quarterly. 1995. Vol. 58. No. 4. P. 255-269.
12. Kaiser C.R., Wilkins C.L. Group identification and prejudice: theoretical and empirical advances and implications // Journal of Social Issues. 2010. Vol. 66. No. 1. P. 461-476.
13. Mael F.A., Ashforth B.E. Alumni and their alma mater: A partial test of the reformulated model of organizational identification // Journal of Organizational Behavior. 1992. Vol. 13. P. 103-123. doi:10.1002/job.4030130202.
14. McKimmie B.M., Terry D.J., Hogg M.A. Dissonance reduction in the context of group membership: the role of meta-consistency // Group Dynamics: Theory, Research and Practice. 2009. Vol. 13. No. 2. P. 103-119.
15. Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V.L. (Eds.) Handbook of Identity Theory and Research. New York: Springer. 2011.
16. Sinclair S., Hardin C.D., Lowery B.S. Self-stereotyping in the context of multiple social identities // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 90. No. 4. P. 529-542.
17. Swann W.B., Gomez A., Gomez A., Jetten J. What makes a group worth dying for? Identity fusion fosters perception of familial ties, promoting self-sacrifice // Journal of Personality and Social Psychology. 2014. Vol. 106. No. 6. P. 912-925.
18. Swann W.B., Gomez A., Jetten J., Whitehouse H., Bastien B. When group membership gets personal: a theory of identity fusion // Psychological Reviews. 2012. Vol. 119. No. 3. P. 441-456.
19. Swann W.B., Gomez A., Seyle D.C., Morales J.F., Huici C. Identity fusion: the interplay of personal and social identities in extreme group behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. № 96(5). P. 995-1011.
20. Wright S.C. The next generation of collective action research // Journal of Social Issues. 2009. Vol. 65. No. 4. P. 859-879.